

Моск. комсомолец. - 2004

ЮБИЛЕИ

— Кто у кого интервью брать будет, а?
...Лундстрем настолько охоч до всего, что происходит в мире, что разговор о джазе, а тем более истории оркестра интересует его мало. "Джаз" для Лундстрема слово отговоренное. Но воспоминания о Харбине, Шанхае, переезде в Союз в 1947-м необыкновенно ярки — память потрясающая... С того дня, когда музыканты собрались на квартире Виталия Серебрякова в Харбине (станет первым трубачом) и выбрали в руководители энергичного парня с редкой для советского слуха шведской фамилией.

— **Знаю, что ваш отец был направлен в Китай как специалист по ядерной физике, читал курс лекций студентам. Как вы вообще там устроились?**

— В Харбине мы жили в доме лучшего востоковеда всех времен — некоего Шкуркина... Еще при советской власти его выписали из Китая американцы, и никто, даже Сталин, не смог его удержать (а в Америке Шкуркин моментально возглавил институт востоковедения). Так вот, пришли мы к нему вселяться. Видим — беседка, вся в красном винограде, который он привез с юга и привил в резкоконтинентальном климате. Мало того, из винограда этого делал вино. Полподвала было уставлено бочками! С тех-то пор я, студент политехнического института, пристрастился к красному. Часто с друзьями, прежде чем пойти на халтуру или на танцы, шли в подвал и прикладывались хорошенько к бочке... Эх! Это как Черчилля однажды спросили: "Господин Черчилль, вот все-таки странно, вы всю жизнь посвятили борьбе с коммунизмом, а сами тем не менее курите кубинские сигары и пьете армянский коньяк..." Он ответил: "Очень просто. Я люблю все самое лучшее". Показал свою мужицкую сущность...

— **Так-таки и мужицкую... А где-то читал, что он потомок герцога Мальборо.**

— А то... Люди любят, чтобы все их правители происходили от именитых людей, вроде как незаконнорожденные. Ну а Тэтчер что? Обыкновенная деревенская баба. Короче, отца моего, как только он вернулся из Китая, сразу арестовали. Тогда только так было: или расстрел, или 25 лет лагерей. А тут еще фамилия заграничная, вроде немец или еврей. Хотя у нас шведские корни. Постановили расстрелять. Но приговоренных к смерти было так много, что их физически не успевали хоронить. Так что плюнули в какой-то момент и отправили на Урал. Умер он в 1954 году, хотя я и знать про это не знал, пока через много-много лет не встретил случайно человека, вместе с ним сидевшего на Ивдели...

— **С чего начался ваш джаз?**

— Я стал тем редким экспонатом, которого когда-то джаз привлекал не танцем, а красотой музыки. Пришел как-то в универсальный магазин "Кун Хо Ли" с желанием подкупить разных пластинок, чтоб было подо что с девочками танцевать. Набрал все-все-все фокстротов, грустных блюзов, идущих прослушать в специальную кабинку, и вдруг... что такое? Как дубиной по голове! Ничего подобного не слышал! Смотрю, на пластинке написано: "Дюк Эллингтон и его оркестр". Мгновенно отбросил все фокстроты,

Деревянный дом в подмосковной Валентиновке... По нынешним меркам очень скромный. Патриарх советского джаза, сидя на диване, в последний момент убирает ноги со стула и сосредоточивается на посетителе. Первым руки не подает, ждет, что вошедший подаст, а вошедший стесняется... Окна нараспашку, жарит, но комаров нет: Лундстрем раскуривает ароматические палочки, надев рубашку тонкого китайского шелка...
Ему — 88, его оркестру — 70.

ЛУНДСТРЕМ ЗА СЕБЯ

ты, схватил только Эллингтона и побегал вон. Невозможно было оторваться! Вспомнить хотя бы его трубача Майлса — такие звуки издавал: "Вау-ва-вау-вау-вау!". Прямо человеческие! Много позже, убежденный сединами и оценивая свою жизнь, я убедился, что интуитивно шел по правильным следам: важен первый импульс.

— **А все музыканты вашего оркестра имели профессиональное образование?**

— Да, уже в Союзе окончили консерваторию, причем все с красными дипломами... Почти все, потому что к ним придирались. Не могли простить, что первые комсомольцы консерватории едва с двоек на тройки перебиваются. А мы...

— **Кстати, а на родине были примеры, достойные подражания?**

— Нам не раз писали в Китай, каким бешеным успехом пользуется в Союзе оркестр Утесова. А мы удивлялись, что здесь вообще есть джаз, после того как Горький объявил его "музыкой толстых". Бегали в Харбине в магазин, полно жуткую драку там, когда появилась пластинка утесовского джаза с двумя чисто инструментальными номерами. Это был мировой уровень!

— **Довелось с ним встретиться?**

— Помню встречу с ним незадолго до смерти, когда Утесов выступил со своей знаменитой речью в Союзе композиторов. Большой пришел. Инфаркт у него был. В первом отделении концерта лауреаты сочинских конкурсов пели его песенки... Да с ним и сравнить было нельзя! Утесов про себя говорил: "Пусть я шептун, но пою не голосом, а сердцем". Во втором отделении

ЕЩЕ ПОБОРЕТСЯ, пока Черчилль докуривает коммунистическую сигару

все вдруг захлопали: "Утесов! Утесов!". Ему ничего не оставалось, как выйти на сцену. Он начал: "Перед вами человек, которому без тринадцати сто..." И так незаметно, вроде как под разговорчик, выдал такую сатиру на министерство культуры! После я прошел за кулисы и поблагодарил Утесова за речь эту смелую, сказав: "Не было бы вас, не было бы и нас". Уехал домой. А наутро рано-рано жена меня будит: "Тебя Утесов к телефону!" Подхожу. Он говорит: "Олег Леонидович, я вот до сих пор не могу заснуть. Вы мне теплые слова действительно от души сказали или просто так, чтобы успокоить старика?" — "Леонид Осипович, я к сожалению, привык говорить только то, что думаю". — "Тогда знаете что? А приезжайте-ка ко мне вместе с женой! Я вам такого порасскажу!" — "Не могу, Леонид Осипович, мы на неделю в Свердловск уезжаем: концерты. Мы после, ладно?" И уехали. Дня через три узнали, что Утесов умер.

— **Олег Леонидович, в этом году ожидается юбилейный концерт?**

— А как же? Мы поедем в тур по стране на поезде самого высшего класса с пульмановскими вагонами под старину, который идет около месяца из Питера до Владивостока. Но только ехать в нем могут очень богатые люди. Олигархи западные. Им это может быть интересно. Если нас возьмут, оркестр получит целый вагон для репетиций...

— **Вы полны сил, энергии. Можете сказать, что в жизни главное?**

— Что, по Вернадскому, движет миром? Две вещи. Любопытство и... удовольствие. Удовольствие, вследствие которого на свет появляются маленькие ребятишки, которых мы все так любим. Хотя можно возразить, что бывает любовь благородная, а бывает низменная... Но все детишки, бегающие по свету, — это результат низменной любви. А возвышенная и рядом не валялась. А тех, кто думает по-другому, Иисус Христос изгонял не только из храма, а даже со ступенек храма. Потому что самое важное — жить по-христиански, а не просить потом прощения,

зная наперед, что бог тебя простит. Живя здесь, важно выполнить хотя бы первые две заповеди: "прости врага своего" и "не убий". Что до остальных... И до них когда-нибудь дойдет очередь. Запомните хотя бы это, когда будете меня проверять.

— **Кстати, меня очень удивило помпезное празднование вашего дня рождения в прошлом году. Ни вашего юбилея (87 лет), ни юбилея оркестра не было. Лишь перешептывались о вашей скорой "кончине", как будто старались успеть...**

— Да они и сейчас меня в покойники записали. Была перерегистрация членов профсоюза, но мой же бухгалтер забыла про меня и не перерегистрировала, не провела по документам. Вот все сразу и подумали, что я умер, списали меня... Узнав об этом, я спросил у своего директора: "Что у нас творится? Я, оказывается, мертвый?" Пошли к бухгалтеру оркестра. Она вскопчила: "Ой, вы знаете, это такая хорошая примета! Теперь вы будете долгожителем!" А я ответил: "Нет, сначала вы научитесь работать, а потом будете говорить — долгожитель я или нет!" Но они же меня не слушают! Вы сейчас скажете, почему я сообщаю о наших внутренних делах... Но я не хочу ничего скрывать. Нечего уже... Я хочу только одного: чтобы мне дали работать. Подчеркиваю: не отдыхать, а работать!

Ян СМЕРНИЦКИЙ.